

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 821.161.1(1-87)09

ББК 83.3(2-008.6)

Людмила Леонидовна Авдейчик

Белорусский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы, Беларусь, Минск, e-mail: milar25@gmail.com

Образ Владимира Соловьева в литературе русского зарубежья: специфика рецепции

Аннотация. Рассматривается специфика рецепции образа В.С. Соловьева в литературе русского зарубежья первой волны эмиграции. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью соловьевского влияния на литературный процесс XX века, особенно в эмигрантской среде, а также необходимостью осмысления феномена сохранения культурной памяти о деятелях Серебряного века за пределами России. Целью исследования является выявление особенностей функционирования образа философа в мемуарно-биографической прозе, публицистике и поэзии писателей-эмигрантов А.А. Салтыкова, А.М. Ремизова, И.В. Одоевцевой, З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцева, Вяч.И. Иванова. В основе методологии исследования лежит историко-литературный и сравнительно-типологический анализ, позволяющий проследить эволюцию авторских рецептивных стратегий. Установлено, что, в отличие от мифологизирующей и сакрализующей тенденций, характерных для поэтов-младосимволистов, в эмигрантской литературе преобладает мемуарно-документальное начало, интерес к «живой» личности философа. Выявлены жанровые приоритеты в творчестве писателей-эмигрантов (мемуары, эссе, юбилейные статьи), а также способы конструирования образа, который приобретает в их произведениях поливариантный характер: от реалистически достоверного (А. Салтыков, Б. Зайцев) до мифологизированного в модернистской стилистике (А. Ремизов, Вяч. Иванов). Делается вывод, что рецепция наследия Соловьева в творчестве писателей русского зарубежья была подчинена общей задаче сохранения культурной преемственности и противостояния забвению, что обеспечило дальнейшую жизнь соловьевского дискурса в XX веке.

Ключевые слова: рецепция образа В.С. Соловьева в литературе русского зарубежья, традиции Серебряного века, ремифологизация образа, феномен культурной памяти в литературе

Liudmila Leonidovna Avdeichik

Belarusian State University, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Literature, Belarus, Minsk, e-mail: milar25@gmail.com

The Image of Vladimir Solovyov in the Literature of the Russian Diaspora: the Specificity of Reception

Abstract. The article examines the specificity of reception of V.S. Solovyov's image in the literature of the Russian diaspora during the first wave of emigration. The relevance of this study stems from the insufficient knowledge of Solovyov's influence on 20th-century literary development, particularly within the emigrant community, as well as the need to understand the phenomenon of preserving the cultural memory of Silver Age figures outside of Russia. The aim of this study is to identify the specific features of the philosopher's image in the memoir and biographical prose, journalism, and poetry of emigrant writers such as A.A. Saltykov, A.M. Remizov, I.V. Odoevtseva, Z.N. Gippius, B.K. Zaitsev, and Vyach.I. Ivanov. The methodology is based on historical-literary and comparative typological analysis, allowing us to trace the evolution of the authors' receptive strategies. It has been established that, in contrast to the mythologizing and sacralizing tendencies characteristic of the Young Symbolist poets, emigrant literature is dominated by a memoir-documentary approach and an interest in the "living" personality of the philosopher. Genre priorities (memoirs, essays, commemorative articles) are identified, as well as methods of constructing the image, which acquires a polyvariant character in their works – from realistically authentic (A. Saltykov, B. Zaitsev) to mythologized in a modernist style (A. Remizov, Vyach. Ivanov). It is concluded that the reception of Solovyov's legacy in the Russian emigration was subordinated to the general task of preserving cultural continuity and resisting oblivion, which ensured the continued life of Solovyov's discourse in the 20th century.

Key words: reception of V.S. Solovyov's image in the literature of the Russian diaspora, traditions of the Silver Age, remythologization of the image, phenomenon of cultural memory in literature

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.2.006-022

Введение

Небывалый подъем интереса к личности Владимира Сергеевича Соловьёва (1853–1900) и его наследию проявился в первое десятилетие после его смерти, когда образ поэта-философа стал своеобразным символом эпохи Серебряного века, духовным ориентиром и вдохновителем целого поколения. «Влад. Соловьёв умер. Но обаяние его остается неизбынным», – одним из первых отметил критик-литературовед В.Н. Княжнин [1, с. 44], фиксируя феномен развития такого идейного и культурного явления, как соловьёвство в русской культуре начала XX века. Особое влияние философ оказал на творчество поэтов-младосимволистов, так называемых «соловьёвцев», – А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, что многосторонне изучалось как русскими, так и зарубежными исследователями¹. Культ Соловьёва, бытовавший в поэтических кругах, способствовал формированию значительного

¹ См.: Авдейчик Л.Л. Образ Владимира Соловьёва в русской литературе XX–XXI веков // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 2(62). С. 39–51 [2]; Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 472 с. [3];

корпуса мемуарных свидетельств и поэтических произведений, в которых запечатлен его образ. Один из примеров – стихотворение Вяч. Иванова из цикла «Александру Блоку»² (1912 г.), в котором акцентируется значимость духовной преемственности идей философа и проводится параллель между крестителем Руси святым равноапостольным князем Владимиром и Владимиром Соловьёвым³:

Затем, что оба Соловьёвым
Таинственно мы крещены;
Затем, что обрученьем новым
С Единою обручены [6, с. 10].

Образ Соловьёва и его учение стали ценностно значимыми и явились импульсом для создания литературных произведений: кроме Иванова, Соловьёву посвящали свои стихотворения такие писатели, как П. Флоренский «На смерть В. Соловьёва» (1900 г.)⁴, А. Блок «Через песчаные пустыни...» (1901 г.)⁵, К. Бальмонт «Воздушная дорога» (1903 г.)⁶, А. Белый «Владимир Соловьёв» (1903 г.)⁷ и «Владимиру Соловьёву» (1931 г.)⁸. Сочинениями Соловьёва зачитывались герои романа Б. Зайцева «Дальний край» (1913 г.)⁹. Воспоминания о Соловьёве в русле увлечения его идеями находим как у современников, так и у последователей мыслителя, в числе которых был племянник философа С.М. Соловьёв¹⁰, сотоварищ по гимназии Н.И. Кареев, друзья и знакомые – братья Е.Н. и С.Н. Трубецкие, В.Л. Величко, А.Ф. Кони, А.В. Амфитеатров, Н.М. Лопатин, В.В. Розанов,

Pyman A. A History of Russian Symbolism. Cambridge University Press, 1994. 500 c. [4]; Knigge A. Die Lirik Vl. Solov'evs und Ihre Nachwirkung bei A. Belyj und A. Blok. Amsterdam, 1973. 214 s. [5].

² См.: Иванов В. Александру Блоку // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 10 [6].

³ См. об этом подробнее: Авдейчик Л.Л. Сакрализация образа Владимира Соловьёва в творчестве поэтов-младосимволистов [Электронный ресурс] // Диалог эпох в литературе: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Л.Л. Авдейчик (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2021. С. 5–20. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273478> (Дата обращения: 23.03.2026) [7].

⁴ См.: Флоренский П. На смерть В. Соловьёва // Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / сост., подгот. текста и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 126 [8].

⁵ См.: Блок А. Через песчаные пустыни // Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. Стихотворения 1897–1904 годов. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. С. 472 [9].

⁶ См.: Бальмонт К.Д. Воздушная дорога // Бальмонт К.Д. Полн. собр. стихов: в 10 т. Т. 4. Изд. 3-е. М.: Изд. «Скорпион», 1913. С. 118 [10].

⁷ См.: Белый А. Владимир Соловьёв // Белый А. Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Альфа-книга, 2011. С. 585 [11].

⁸ См.: Белый А. Владимиру Соловьёву // Белый А. Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Альфа-книга, 2011. С. 1078–1079 [12].

⁹ См.: Зайцев Б. Дальний край // Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. М.: Русская книга, 1999. С. 369–580 [13].

¹⁰ См.: Соловьёв С.М. Владимир Соловьёв: жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. 421 с. [14].

М.С. Безобразова, Е.М. Ельцова, И.И. Янжул, Н.А. Макшеева, В.Д. Кузьмин-Караваев, Э.-М. Вогюэ, свящ. Н. Колосов, П.Г. Черкасов, Д.Н. Цертелев, Ф. Гец, граф П. Шереметев, арх. Николай Японский (Касаткин) и др.¹¹

Начиная с 1910-х годов, интерес к Соловьеву постепенно пошел на спад, до конца, правда, не угасая, пока большевистский переворот 1917 г. не остановил свободное развитие культуры, подчинив ее ангажированной идеологии, в которой религиозной философии и мистической поэзии места не оставалось. В советской культуре 1920–1930-х гг. творчество Соловьева в ряду многих других было предано забвению на долгие десятилетия, но сама традиция почитания философа и развития его идей не угасала: в скрытой форме она сохранялась в отдельных произведениях запрещенных авторов советской литературы (наиболее яркий пример – мистическое творчество Д. Андреева), а в явном своем выражении была продолжена русскими писателями-эмигрантами.

Реалистическая реконструкция образа в воспоминаниях А.А. Салтыкова

Интересен, хотя пока малоисследован, феномен рецепции образа Соловьева и его идей в литературе русского зарубежья в произведениях как художественного, так и мемуарного характера, анализ которых способствует выявлению специфики формирования образа Соловьева.

Хронологически одними из первых в эмиграции стали известны воспоминания поэта-младосимволиста А.А. Салтыкова (1872–1940) «Белые колокольчики»¹², опубликованные в 1934 году в Париже в издании «Встречи». Он подчеркивает, что был лично знаком с философом и описывает то неизгладимое впечатление, которое произвел на него Соловьев при первой встрече: «Поражала и его наружность: он и тогда уж напоминал чем-то “ветхозаветного пророка” – в юности. С тех пор мы встречались с Влад. Соловьевым много раз; иногда я видел его часто, по несколько раз в неделю; иногда – с перерывом на годы. И так почти до самой его смерти. Но первое впечатление осталось незабвенным» [17, с. 499].

Уделяя особое внимание встречам с Соловьевым в имении Пустынька, находившемся близ Петербурга и принадлежавшем А.К. Толстому и его жене, Салтыков воссоздает психологически достоверный портрет философа, не обходя вниманием и историко-литературные факты, в частности особый интерес к Соловьеву в литературе конца XIX века. Например, он приводит историю о том, как один молодой комедиограф «поместил в списке действующих лиц с их характеристиками и Соловь-

¹¹ См.: Вл.С. Соловьев: pro et contra. Т. 1 / сост., вступ. ст. и примеч. В.Ф. Бойкова. СПб.: РХГИ, 2000. 896 с. [15]; Вл.С. Соловьев: pro et contra. Т. 2 / сост. и примеч. В.Ф. Бойкова, сост., послесл. и примеч. Ю.Ю. Булычева. СПб.: РХГИ, 2002. 1072 с. [16].

¹² См.: Салтыков А.А. Белые колокольчики: Воспоминания о Владимире Соловьеве // Вл.С. Соловьев: pro et contra. Т. 1 / сост., вступ. ст. и примеч. В.Ф. Бойкова. СПб.: РХГИ, 2000. С. 499–503 [17].

ева (под вымышленной, конечно, фамилией)», при этом «характеристику дал грубую, но злую и остроумную»¹³. Салтыковым показана реакция самого Соловьева на подобное, в некоторой степени оскорбительное к нему отношение: «Он был, кажется, обижен. Однако, встретив автора, сказал добродушно:

– Знаете, смеяться над кем угодно – право каждого. И я осмеивал своих друзей. Но делать это надо при одном условии: им первым показывать шутку. Так я всегда поступал. О вашем же пасквиле я узнал со стороны: нехорошо!» [17, с. 502].

В данном эпизоде прослеживается желание мемуариста подчеркнуть сильные стороны личности поэта-философа: хотя тот был «кажется, обижен», при встрече со своим обидчиком он сумел сохранить «добродушное» отношение к молодому автору, что характеризует Соловьева как человека неконфликтного, великодушного и при этом живо реагирующего на происходящее.

Салтыков приводит в пример еще один литературный факт, указывающий на повышенный интерес современников к Соловьеву: он вспоминает юмористический рассказ писателя и актера Ивана Федоровича Горбунова о том, как на железнодорожной станции Любань два молодых человека, увидев Соловьева, обедающего в буфете, наивно отреагировали, воскликнув: «Это Соловьев. Философ – а тоже ест!» [17, с. 502]. Интересно, что ранее тот же эпизод упоминает и гр. П. Шереметев в статье «Отзвуки рассказов И.Ф. Горбунова» (1901 г.)¹⁴, отмечая заодно добродушную реакцию самого Соловьева на этот рассказ, свидетелем которой стал: «Не могу не вспомнить здесь, как сочувственно отзывался Соловьев о таланте Горбунова и как смеялся своим высоким звонким смехом, который и по сей час стоит в ушах, даже при моих слабых попытках читать вслух рассказы Горбунова» [18, с. 102]. Через непосредственную реакцию Соловьева на литературный анекдот, героем которого он стал, проявляется его жизнелюбие, соединенное с духовным оптимизмом, включенность в реальность, несмотря на интенсивную умственную деятельность, что придает правдивость и индивидуальность образу философа в воспоминаниях очевидцев. Эти наблюдения позволяют Салтыкову сделать следующие выводы о характере и личности Соловьева: «Он любил жизнь; он был религиозным исповедником жизни; и даже мелочами ее интересовался, будучи меньше всего “ходячей абстракцией”. ... В ней, в живой личности, и заключается главная сила Соловьева. Он не вмещается в свои книги, как они не глубоки» [17, с. 502–503].

Воспринятый в атмосфере теплого дружеского расположения, образ Соловьева в мемуарах Салтыкова видится реалистичным, живым и правдоподобным, без явных признаков мифологизации (сакрализации или, напротив, демонизации), к чему до этого в большой степени тяготели в своих воспоминаниях литературные деятели Серебряного века.

¹³ См.: Салтыков А.А. Белые колокольчики: Воспоминания о Владимире Соловьеве. С. 502.

¹⁴ Шереметев П. Отзвуки рассказов И.Ф. Горбунова. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. С. 102–103 [18].

Мифологизация образа В.С. Соловьева в творчестве А.М. Ремизова

Совсем иного плана реконструированный и отчасти ремифологизированный образ юного Соловьева создается в литературно-биографическом эссе А.М. Ремизова «Философская натура. Владимир Соловьев – жених»¹⁵, впервые опубликованном в русском эмигрантском журнале «Современные записки» в Париже в 1938 году. Сложно однозначно определить причины обращения мастера орнаментальной прозы к созданию образа Соловьева, тем более раннего периода творчества, однако можно предположить, что отчасти это было связано с запросом редакции журнала и приурочено к 85-летию со дня рождения философа.

Ремизов нестандартно подходит к конструированию образа Соловьева: уже в названии он определяет основной ход своих рассуждений – «Соловьев-жених», с легкой модернистской иронией упоминая о несложившейся семейной жизни философа, о чем было хорошо известно всем, хоть немного знавшим его биографию, и одновременно – о психологических странностях его загадочной натуры. Ненавязчивая интертекстуальная отсылка в заглавии к статье А. Блока о Соловьеве «Рыцарь-монах» (1910 г.)¹⁶ ставит эссе в ряд ему подобных биографических литературных опытов и показывает ироничное отношение Ремизова к предмету своих размышлений: не рыцарь-монах, а жених, который так и не женился.

В модернистском ключе написано и само эссе: в нем формируется широкое цитатное поле из текстов самого Соловьева и полностью приводятся его стихотворение «Что роком суждено, того не отражу я» (1875 г.), а также около десяти отрывков из его переписки с возлюбленной юности Екатериной Селевиной, которые занимают более половины эссе. Так, используя цитаты из «Жития протопопа Аввакума» и повести Н.В. Гоголя «Вий», отсылки к романам Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Игрок», упоминания М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А.А. Блока, А. Белого, А.П. Чехова и других писателей, Ремизов несколькими штрихами рисует портрет своего героя: «“Философская натура” на тонких ногах – Владимир Соловьев, не Рогожин, не Свидригайлов – не Достоевский. В его “недоношенной” натуре белый жаркий свет, не “уголек”. Никакой знойной песни Лермонтова или Некрасова или Блока не может быть в стихах Соловьева, но мысли его семянны, и видения его жарки» [19, с. 198]¹⁷. С одной стороны, у Ремизова нет характерной для других мемуаристов романтической поэтизации внешности Соловьева, напротив, он нарочито акцентирует высокую нескладную фигуру философа одной портретной деталью, с другой – он определяет его индивидуальность через ряд отрицаний, используя апофатический метод. И создается образ непохожего на других, только начинающего свой путь поэта-

¹⁵ Ремизов А.М. Философская натура. Владимир Соловьев – жених // Современные записки. Париж, 1938. № 66. С. 193–204 [19].

¹⁶ Блок А.А. Рыцарь-монах // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 446–454 [20].

¹⁷ Цитаты приводятся по первой публикации в соответствии с правилами и нормами современной орфографии и пунктуации.

мыслителя, абсолютно не приспособленного к жизни, упустившего свою первую любовь (девушка увлеклась родным братом Соловьева – Всеволодом), склонного скорее к платонической, нежели земной любви (он постоянно откладывает реальные встречи, но настаивает на постоянной переписке). Ему присущи вдохновенные прозрения и высокие порывы, он честен до наивности, смел и воодушевлен поиском истины. Возможно, эта готовность пожертвовать земным счастьем во имя высоких идеалов и является, по Ремизову, основой личности Соловьева, которая по-своему восхищает: «Он покорил ее своим белым, самым жарким и пронзительным светом. Но он никакой не кентавр, в его философии ничего от Хомя Брута. И если бы он осмелился не в одном “воображении” – судьба его была бы судьбой пса Микиты: куча золы да пустое ведро» [19, с. 199].

Знаменательно и символично, что появляющийся на последних страницах образ возлюбленной философа наделяется Ремизовым чертами Софии – образа, воссозданного в поэзии Соловьева: «На ее голове крылил белый убор сестры милосердия, видит ли он или не видит, как тенью следит она из-под опущенных глаз, – он видел этот непорочный убор: его белый цвет сверкал самым жарким и пронзительным светом» [19, с. 204]. Проходящий через все эссе сквозной мотив белого света (цвета) становится символом Премудрости Божией, Софии, «женихом» которой Соловьев был, по мнению Ремизова, всю жизнь: в мистическом смысле философ только ей одной служил и носителем ее света оставался всю жизнь. Земная любовь была лишь слабым отражением этого небесного сияния.

Рецепция образа Соловьева в творчестве Ремизова интересна и нестандартна: писатель предложил по-новому взглянуть на уже сложившийся образ известного мыслителя, воссоздав его для современников в модернистском ключе.

«Соловьёвский след» в мемуарах И. Одоевцевой

Эпизодически появляется имя Соловьева и в мемуарах Ирины Одоевцевой. В книгах «На берегах Невы» (1967 г.)¹⁸ и «На берегах Сены» (1983 г.)¹⁹, посвященных известным поэтам и писателям Серебряного века, содержатся упоминания имени Соловьева как отдельные штрихи к портрету. Писательская стратегия Ирины Одоевцевой определяется личным опытом общения с представителями русского Серебряного века, а с философом она знакома не была и не относилась к кругу его особых почитателей, однако появление имени Соловьева на страницах ее мемуаров свидетельствует о его значимости.

Так, в книге «На берегах Невы» при воспроизведении беседы с Андреем Белым отмечается увлечение современников идеями философа, особенно идеей Вечной Женственности, переходящей у младосимволистов из области мифо-

¹⁸ Одоевцева И.В. На берегах Невы. Washington: V. Kamkin, 1967. 490 с. [21].

¹⁹ Одоевцева И.В. На берегах Сены. Paris: La Presse libre, 1983. 528 с. [22].

творчества в жизнетворчество: «Мы тогда втроем, с Блоком и Сережей Соловьевым... Ах, какой он был милый, славный мальчик-гимназист, а мы с Сашей уже студенты. Мы втроем основали Братство Рыцарей Прекрасной Дамы. Любовь Дмитриевна была для нас Женой, Облаченной в Солнце, Софией Премудростью, Прекрасной Дамой. Мы все трое бредили идеями Владимира Соловьева – у ее ног» [21, с. 351]. Что немаловажно, воспоминание о культе Вечной Женственности встречается и в книге «На берегах Сены», но уже в беседе с Иваном Бунным, который признается: «Как остро я любил жизнь и все живое. До страсти. Пастернак назвал свой сборник стихов “Сестра моя жизнь”. Но для меня жизнь была не только сестра, а сестра, и мать, и любовница, и жена – вечная женственность» [22, с. 349]. Примечателен комментарий рассказчицы, которая в этот момент беседы хочет уточнить, что именно вкладывает в это понятие Бунин: «“Вечная женственность” – разве природа? Ведь у Соловьева она София Мудрость»²⁰, но так и не решается прервать собеседника, относясь к нему с особым пиететом. Из данного фрагмента видно, что Бунин выделял понятие Вечно-Женственного начала бытия исходя из своего понимания. Важно и то, что идеи Соловьева продолжали жить в творчестве русских писателей-эмигрантов, однако они подвергались индивидуальному переосмыслению и трансформации.

Дважды упоминается имя Соловьева и в общении Ирины Одоевцевой с Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским, у которых она со своим супругом Георгием Ивановым бывала в гостях по воскресеньям во время своей жизни в Париже. И здесь интересно внимание к отдельным фактам биографии Соловьева, дополнявшим как образ философа, так и психологический портрет того, кто говорил о нем.

Первое такое упоминание о Соловьеве появляется в речи Зинаиды Гиппиус, которая лично знала Владимира Сергеевича и его близких, была дружна с его родной сестрой, о чем свидетельствует ее биографическое эссе «Поликсена Соловьева»²¹. В своих воспоминаниях Гиппиус признается, что по молодости лет она не питала особой симпатии к Соловьеву, замечая скорее странности в его поведении (специфическое чувство юмора, неуместные остроты, «жуткий» смех, перепады настроения и т.д.), что не помешало ей со временем дать высокую оценку его творчеству: «Владимир писал стихи, но мы его знаем не как поэта; все свои разнородные способности он вложил в одно главное дело – этим перешагнул за грань “талантливости”» [23, с. 121].

И все же для Гиппиус как представительницы эпохи модернизма необычные проявления характера русского философа казались не менее значимы, что и стало основой ее высказывания. На предложение поехать летом лечиться на бальнеологические курорты Франции, «в Виттель или Виши»²², она эффектно

²⁰ См.: Одоевцева И.В. На берегах Сены. С. 283.

²¹ Гиппиус З.Н. Поликсена Соловьева / публ. В. Злобина // Возрождение. Париж, 1959, Май. № 89. С. 118–124 [23].

²² См.: Одоевцева И.В. На берегах Сены. С. 397.

возражает: «– Лучше уж, чем минеральную воду, скипидар пить, как Владимир Соловьев. – И тут же пояснила: – Владимир Соловьев пил скипидар, чтобы избавиться от чертей. Он был уверен, что черти не выносят запаха скипидара и не заберутся к нему в рот. – Зинаида Николаевна подняла свой лорнет-монокль к глазам и, полюбовавшись произведенным впечатлением, продолжала: – Но и скипидар не помог. Только смерть его ускорил. А черти преследовали его по-прежнему. Правда, мне, как я ни старалась, не удалось их увидеть, хоть мне и очень хотелось...» [22, с. 397].

В данном фрагменте через упоминания о странностях в поведении философа высвечивается специфическая черта Соловьева – пристрастие к скипидару, который, по версии медиков, спровоцировал болезнь внутренних органов, ставшую причиной преждевременной смерти философа в 46 лет. Зинаида Гиппиус отмечает визионерские способности Соловьева, что прослеживается в отсылке к стихотворению Соловьева DAS EWIG-WEIBLICHE (пер. с нем. «Вечная Женственность»), которое имеет характерный подзаголовок «Слово увещательное к морским чертям» и начинается иронично-мистическими строками:

Черти морские меня полюбили,
Рыщут за мною они по следам:
В Финском поморье недавно ловили,
В Архипелаг я – они уже там! [24, с. 71]

Само стихотворение относится к позднему периоду творчества Соловьева. Оно написано в 1898 году, за два года до смерти философа, и в нарочито шуточной форме свидетельствует о мистических видениях, которые преследовали поэта-философа до конца его жизни.

Конечно, Зинаида Гиппиус не просто так акцентирует в своей речи именно эти странности, связанные с личностью Соловьева, – она хочет показаться оригинальным собеседником и произвести шокирующее впечатление на слушателей, что ей, похоже, удастся, о чем говорит упомянутая наблюдательной Одоевцевой психологическая деталь: Гиппиус «подняла свой лорнет-монокль к глазам и, полюбовавшись произведенным впечатлением»²³, продолжила рассуждать о своем пристрастии к мистицизму и одновременно об отсутствии визионерских способностей. Упоминание конкретных фактов о Соловьеве способствовало как развитию его образа, так и самопрезентации личности Зинаиды Гиппиус.

Похожий прием встречается и у Дмитрия Мережковского: выступая на заседании «Зеленой лампы» с докладом, рассуждая о любви и смерти, для усиления производимого своей речью эффекта он использует одно из известных остроумных высказываний Соловьева, подчеркивая особое единомыслие с ним: «Эрос и Эрис, Любовь и Ненависть, Мир и Война. Язва убийства – война: язва

²³ Там же.

рождения – Содом. Пол с войной пересекается... Кровь сначала загорается похотью, а потом льется на войну...

– Благодарю Тебя, Господи, что я никого не родил и никого не убил. В этой, несколько странной для непосвященных молитве русский ученик Платона, Вл. Соловьев, соединяет эти две язвы в одну...

– И я поэтому с Соловьевым! – воскликнул Мережковский, ударяя себя в грудь» [22, с. 404].

Сравнение «соловьевских» фрагментов из книг Одоевцевой показывает, что в эмигрантской среде не было того культа Соловьева, который был присущ его последователям в начале XX в. Однако его личность и идеи были притягательны для русской эмиграции, что свидетельствовало о жизнеспособности и значимости соловьевского наследия за рубежом.

Идеализация образа в творчестве Б. Зайцева и Вяч. Иванова

В эмиграции находились и такие авторы, творческая система которых сложилась под значительным влиянием наследия Соловьева. Одним из них был представитель русской духовной прозы XX в. Борис Зайцев (1881–1972). Учение Соловьева стало определяющим в формировании его мировоззренческой системы, повлияв как на религиозно-философские взгляды и картину мира писателя, так и на развитие его художественного метода.

В зрелые годы, например в очерке «Оптина пустынь» (1929 г.)²⁴, Зайцев отмечал, что религиозная составляющая его жизни и творчества пришла не из семьи, более того – она скорее противоречила заложенным с детства установкам: «Наша семья не была религиозна. По тому времени просвещенные люди, типа родителей моих, считали все “такое” суеверием и пустяками» [25, с. 328]. Глубокий интерес к православию у Зайцева появился именно под влиянием трудов Соловьева, что отмечается писателем в его юбилейной статье «Соловьев нашей юности»²⁵, опубликованной в эмигрантской газете «Русская мысль» в 1953 году к 100-летию со дня рождения В.С. Соловьева. Заглавие и содержание статьи свидетельствует о том, что Зайцев говорит не только от своего имени, а от лица значительной части русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв., испытавшей на себе немалое соловьевское влияние, которое сопровождало расцвет культуры Серебряного века: «Подумать только – сто лет, как родился Владимир Соловьев, более пятидесяти, как умер, – а мы привыкли считать его нашим современником. Вернее, впрочем, современником нашей юности» [26, с. 317].

²⁴ Зайцев Б.К. Оптиная пустынь // Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 7 (доп.). Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. М.: Русская книга, 2000. С. 328–332 [25].

²⁵ Зайцев Б.К. Соловьев нашей юности // Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М.: Русская книга, 2000. С. 317–320 [26].

В юбилейной статье Зайцев не обходит вниманием оригинальный облик покойного философа, столь соответствовавший его учению, вызывавший интерес современников выразительными, запоминающимися «пророческими чертами»: «Я никогда Соловьева не видел, но настолько облик его знаю, что как будто и был знаком. Всегда поражался красотой этого необыкновенного, таинственного лица, не совсем даже русского (хотя был он чистейшей русской крови). Не с индусским ли оттенком – магические глаза, рано поседевшая длинная борода, общее впечатление духовности и даже музыкальности. Плотский образ его выражал нечто очень глубокое, и сама плоть казалась облегченной...» [26, с. 317]. Здесь примечателен использованный Зайцевым прием мифологизации внешности Соловьева, который позволяет увидеть оригинальность образа философа. Подобная тенденция к созданию возвышенно-идеализированного портрета Соловьева через его одухотворение была присуща многим писателям Серебряного века, однако за рубежом эта традиция, как уже было отмечено, проявлялась не всегда.

От внешнего впечатления о Соловьеве Зайцев переходит к характеристике его учения, подчеркивая, что книги философа отличаются убедительностью воплощения в них высшей правды: «Умер, а книги остались. В них жизнь и его дух. Никто не навязывал мне Соловьева, он сам тоже не мог себя навязать. Я просто встретился с его писанием. ... Чтение это было особенное: скорее жизнь в книге, жизнь с Владимиром Соловьевым. Окружающее обступало, годы были юношеские, когда надо что-то решать, что-то понять самое важное – о Боге, смысле всего, смерти, вообще о пути» [26, с. 317].

Получается, что уже в эмиграции, на склоне лет Зайцев в мемуарной форме отмечает, какую важную роль сыграло учение Соловьева в его жизни и творчестве и выражает бесконечную признательность учителю своей юности: «... вечная память и благодарность Соловьеву именно за юношеский подъем, может быть, за известное прекраснодушие. За разрушение преград, за вовлечение в христианство – разумом, поэзией и светом» [26, с. 320]. В некотором смысле вся жизнь и творчество Зайцева стали продолжением миссии Соловьева – «вовлечения в христианство» – только уже не через философию и поэзию, а через художественную прозу.

Отдает дань памяти своему учителю и поэт-соловьевец Вячеслав Иванов. На склоне лет в разгар Второй мировой войны в Италии он пишет цикл «Римский дневник», который исследователь жизни и творчества Иванова Г.С. Зобин²⁶ оценивал очень высоко: «Эти стихи 1944 г. стали лучшим из всего написанного Вяч. Ивановым. На закате жизни он достиг тех вершин, что были доступны немногим в русской поэзии» [27, с. 367]. Символично, что несколько раз в цикле

²⁶ См.: Зобин Г.С. Вячеслав Иванов: Путь жизни. М.: Молодая гвардия, 2022. 415 с. [27].

возникает образ Соловьева. Одно из стихотворений называется «Памяти Владимира Соловьева»²⁷ и относится к разделу «Июль». Произведение является своеобразной лирической автобиографией и носит обобщающий характер. В лирической форме поэт воспроизводит событие, повлиявшее на ход всей его жизни, – последнюю встречу с Соловьевым, которая состоялась в конце июля 1900-го года, незадолго до внезапной кончины философа, и стала определяющей для духовного развития Иванова и его супруги Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. Беседа с философом поспособствовала осознанному возвращению молодой семьи в лоно Церкви, что было подкреплено их паломничеством в Киево-Печерскую лавру. Конкретная датировка стихотворения 15/28 июля 1944 г. отсылает к церковному календарю: в этот день отмечается память святого равноапостольного князя Владимира. Такая приуроченность создает символическую параллель между культом известного святого, крестившего древнюю Русь, и образом религиозного мыслителя. В стихотворении Иванова художественная идеализация, перерастающая в сакрализацию, прослеживается как на уровне универсальных духовных смыслов, так и на уровне конкретных деталей. Важно, что упоминающиеся факты и детали носят знаковый и даже символический характер, а их обилие создает очень концентрированный текст, в котором проявляется развернутый образ Соловьева: указано место кончины философа (в имении Узкое у друга С.Н. Трубецкого) и «узкая могила» (на кладбище Новодевичьего монастыря); особо выделяется его учение о Софии (Премудрости Божией), которое, по мнению Иванова, было важнейшим для развития русской мысли; «рука» Соловьева названа «святой», а действие – «благословляющим» и ощутимым даже после кончины философа:

Четыредесятъ и четыре
В войне, гражданских смутах, мире
Промчалось года с дня того,
Как над Невою мы с ним простились,
И вскоре в Киеве постились,
Два богомольца, за него,
В церковном послушаньи русском
Утверждены. У друга, в Узком,
Меж тем встречал он смертный час.
Вмещен был узкою могилой,
Кто мыслию ширококрылой
Вмещал Софию. Он угас;
Но все рука его святая,
И смертью не отнятая,
Вела, благословляя, нас [28, с. 621].

²⁷ Иванов В. Памяти Владимира Соловьева // Иванов В. Собр. соч. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 621 [28].

Повторно возникает образ Соловьева в стихотворении раздела «Октябрь», где определяется роль философа в развитии и обновлении русской поэзии. Иванов ставит имя Соловьева в один ряд с «чистыми лириками» А. Фетом и Ф. Тютчевым, благодаря которым в русской поэзии усилилось философское начало. Очевидно намекая на софийную лирику и мистическую поэму Соловьева «Три свидания»²⁸, Иванов именует его «духовидцем», тоскующим по безбрежной любви, и считает достойным высшей степени художественной идеализации – поэтической сакрализации:

И духовидец, по безбрежной
Любви тоскующий поэт –
Владимир Соловьев: их трое,
В земном прозревших неземное
И нам предрекававших путь
Как их созвездие родное
Мне во святых не помянуть? [30, с. 634]

Иванов оставался искренним соловьевцем на протяжении всей жизни, сохранив верность своим идеалам, которые обозначил в 1910 году в статье «Религиозное дело Владимира Соловьева»²⁹, а затем в 1911 г. на торжественном заседании Религиозно-философского общества в речи «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания»³⁰. Иванов акцентирует внимание на концептуальных идеях Соловьева, в ряду которых ключевую роль, особенно в поэзии, играет мистический образ Софии и теургическое служение ей: «Значение Соловьева как поэта определяется и по плодам его поэтического творчества: он начал своею поэзией целое направление, быть может, эпоху поэзии. Когда призвана Вечная Женственность, – как ребенок во чреве взыграет некий бог в лоне Мировой Души; и тогда певцы начинают петь. <...> Кроме того, Вл. Соловьев нашел, как учитель, слова, раскрывшие глаза поэту и художнику на его истинное и высочайшее назначение: Соловьев определил истинное искусство как служение теургическое» [32, с. 354].

Таким образом, оба писателя – прозаик-реалист Зайцев и поэт-символист Иванов, оказавшись в эмиграции, сохраняют память о своем наставнике и продолжают сформировавшуюся в начале XX в. традицию идеализации образа Со-

²⁸ См.: Соловьев В.С. Три свидания. Поэма // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Брюссель: Жизнь с Богом, 1970. С. 80–86 [29].

²⁹ См.: Иванов В. Религиозное дело Владимира Соловьева // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. 1979. С. 746–804 [31].

³⁰ См.: Иванов В.И. О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания // Книга о Владимире Соловьеве. С. 344–354.

ловьева, каждый в своей манере. Зайцев с присущей его прозе спокойной размеренностью, ретроспективно, с опорой на собственный опыт духовного становления, от лица целого поколения выражает признательность учителю в посвященной ему юбилейной статье. Иванов поэтизирует и сакрализует образ Соловьёва, наделяя его чертами духовного наставника и теурга, чье влияние определило как личный путь становления поэта, так и новые векторы развития русской философской лирики.

Заключение

Традиция создания образа Соловьёва как личности знаковой для русской культуры Серебряного века была заложена на рубеже XIX–XX вв. и сохранялась в произведениях русских писателей-эмигрантов (А. Салтыкова, А. Ремизова, З. Гиппиус, И. Одоевцевой, Б. Зайцева, Вяч. Иванова), однако имела свою специфику в разные периоды развития литературы.

В отличие от Серебряного века, интерес к Соловьёву в эмигрантской среде не носил массового характера, к нему обращались чаще по случаю: юбилеи, знаковые даты. Очевидными были и жанровые приоритеты: за редким исключением (стихотворения Вяч. Иванова), рецепция возникала в прозаических произведениях мемуарно-биографического характера. Сам образ конструировался тоже по-разному, в зависимости от авторских приоритетов: реалистически достоверным (у А. Салтыкова, П. Шереметева, Б. Зайцева), модернистски мифологизированным (у А. Ремизова, З. Гиппиус, Вяч. Иванова), преломленным через призму чужих воспоминаний (у И. Одоевцевой).

Писатели-эмигранты в своих произведениях создали поливариантный образ Владимира Соловьёва, который, однако, не подвергался сложной художественной трансформации, что было обусловлено главными задачами русской литературы за рубежом: для представителей первой волны эмиграции важнейшей миссией было сохранение культурной памяти, в том числе – о великих деятелях ушедшей России, которых намеренно «забывали» на Родине. Образ Соловьёва, религиозного мыслителя, властителя дум целого поколения, поэта-мистика, привнесшего в философию и литературу идею Божественной Софии, учение о Всеединстве и концепцию теургического творчества, не был предан забвению и получил дальнейшее развитие в XX веке, во многом благодаря писателям русского зарубежья.

Список литературы

1. Княжнин В.Н. Александр Александрович Блок. Петербург: Колос, 1922. 136 с.
2. Авдейчик Л.Л. Образ Владимира Соловьёва в русской литературе XX–XXI веков // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 2(62). С. 39–51.
3. Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 472 с.
4. Pyman A. A History of Russian Symbolism. Cambridge University Press, 1994. 500 p.

5. Knigge A. Die Lirik VI. Solov'evs und Ihre Nachwirkung bei A. Belyj und A. Blok. Amsterdam, 1973. 214 s.
6. Иванов В. Александру Блоку // Иванов В. Собр. соч. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. 896 с.
7. Авдейчик Л.Л. Сакрализация образа Владимира Соловьёва в творчестве поэтов-младосимволистов [Электронный ресурс] // Диалог эпох в литературе: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Л.Л. Авдейчик (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2021. С. 5–20. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273478> (Дата обращения: 23.03.2026).
8. Флоренский П. На смерть В. Соловьёва // Павел Флоренский и символисты: Опыт литературные. Статьи. Переписка / сост., подгот. текста и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 126.
9. Блок А. Через песчаные пустыни // Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. Стихотворения 1897–1904 годов. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. С. 472.
10. Бальмонт К.Д. Воздушная дорога // Бальмонт К.Д. Полн. собр. стихов: в 10 т. Т. 4. Изд. 3. М.: Изд. «Скорпион», 1913. С. 118.
11. Белый А. Владимир Соловьёв // Белый А. Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Альфа-книга, 2011. С. 585.
12. Белый А. Владимиру Соловьёву // Белый А. Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Альфа-книга, 2011. С. 1078–1079.
13. Зайцев Б. Дальний край // Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. М.: Русская книга, 1999. С. 369–580.
14. Соловьёв С.М. Владимир Соловьёв: жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. 431 с.
15. Вл.С. Соловьёв: pro et contra. Т. 1 / сост., вступ. ст. и примеч. В.Ф. Бойкова. СПб.: РХГИ, 2000. 896 с.
16. Вл.С. Соловьёв: pro et contra. Т. 2 / сост. и примеч. В.Ф. Бойкова, сост., послесл. и примеч. Ю.Ю. Булычева. СПб.: РХГИ, 2002. 1072 с.
17. Салтыков А.А. Белые колокольчики: Воспоминания о Владимире Соловьёве // Вл.С. Соловьёв: pro et contra. Т. 1 / сост., вступ. ст. и примеч. В.Ф. Бойкова. СПб.: РХГИ, 2000. С. 499–503.
18. Шереметев П. Отзвуки рассказов И.Ф. Горбунова. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. 146 с.
19. Ремизов А.М. Философская натура. Владимир Соловьёв – жених // Современные записки. Париж, 1938. № 66. С. 193–204.
20. Блок А.А. Рыцарь-монах // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 446–454.
21. Одоевцева И.В. На берегах Невы. Washington: V. Kamkin, 1967. 490 с.
22. Одоевцева И.В. На берегах Сены. Paris: La Presse libre, 1983. 528 с.
23. Гиппиус З.Н. Поликсена Соловьёва / публ. В. Злобина // Возрождение. Париж, 1959. Май. № 89. С. 118–124.
24. Соловьёв В.С. Das Ewig-Weibliche // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Брюссель: Жизнь с Богом, 1970. С. 71–72.
25. Зайцев Б.К. Оптина пустынь // Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 7 (доп.). Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. М.: Русская книга, 2000. С. 328–332.
26. Зайцев Б.К. Соловьёв нашей юности // Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М.: Русская книга, 2000. С. 317–320.
27. Зобин Г.С. Вячеслав Иванов: Путь жизни. М.: Молодая гвардия, 2022. 415 с.
28. Иванов В. Памяти Владимира Соловьёва // Иванов В. Собр. соч. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. 1979. С. 621.
29. Соловьёв В.С. Три свидания. Поэма // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Брюссель: Жизнь с Богом, 1970. С. 80–86.

30. Иванов В. Таинник ночи, Тютчев нежный // Иванов В. Собр. соч. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 633–634.

31. Иванов В. Религиозное дело Владимира Соловьева // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 746–804.

32. Иванов В.И. О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания // Книга о Владимире Соловьеве. М.: Сов. писатель, 1991. С. 344–354.

References

(Sources)

Collected Works

1. Bal'mont, K.D. Vozdushnaya doroga [The Air Road], in Bal'mont, K.D. *Polnoe sobranie stikhov v 10 t., t. 4* [Complete Collection of Poems in 10 vols., vol. 4]. Moscow: Izdanie «Skorpion», 1913, p. 118.

2. Belyy, A. Vladimir Solov'ev [Vladimir Solovyov], in Belyy, A. *Polnoe sobranie sochineniy v 2 t., t. 2* [Complete Collection of Poems in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Al'fa-kniga, 2011, p. 585.

3. Belyy, A. Vladimiru Solov'evu [To Vladimir Solovyov], in Belyy, A. *Polnoe sobranie sochineniy v 2 t., t. 2* [Complete Collection of Poems in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Al'fa-kniga, 2011, pp. 1078–1079.

4. Blok, A.A. Rytsar'-monakh [The Knight Monk], in Blok, A.A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 5* [Collected Works in 8 vols., vol. 5]. Moscow; Leningrad, 1962, pp. 446–454.

5. Blok, A. Cherez peschanye pustyni [Through the Sandy Deserts], in Blok, A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 1. Stikhotvoreniya 1897–1904 godov* [Collected Works in 8 vols., vol. 1. Poems of the 1897–1904]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1960, p. 472.

6. Ivanov, V. Aleksandru Bloku [To Aleksandr Blok], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy. T. 3* [Collected Works. Vol. 3]. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1979. 896 p.

7. Ivanov, V. Pamyati Vladimira Solov'eva [In Vladimir Solovyov's Memory], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy. T. 3* [Collected Works. Vol. 3]. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. 1979, p. 621.

8. Ivanov, V. Religioznoe delo Vladimira Solov'eva [The Religious Matter of Vladimir Solovyov], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy. T. 3* [Collected Works. Vol. 3]. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. 1979, pp. 746–804.

9. Ivanov, V. Tainnik nochi. Tyutchev nezhnny [Mystery of the Night. Tyutchev's Tender], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy. T. 3* [Collected Works. Vol. 3]. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. 1979, pp. 633–634.

10. Solov'ev, V.S. Das Ewig-Weibliche [The Eternal Femininity], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 12 t., t. 12* [Collected Works in 12 vols., vol. 12]. Brussels: Zhizn' s Bogom, 1970, pp. 71–72.

11. Solov'ev, V.S. Tri svidaniya. Poema [Three Meetings. Poem], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 12 t., t. 12* [Collected Works in 12 vols., vol. 12]. Brussels: Zhizn' s Bogom, 1970, pp. 80–86.

12. Vl.S. Solov'ev: pro et contra. T. 1 [Vl.S. Solovyov: Pro et Contra. Vol. 1]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000. 896 p.

13. Vl.S. Solov'ev: pro et contra. T. 2 [Vl.S. Solovyov: Pro et Contra. Vol. 2]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2002. 1072 p.

14. Zaytsev, B.K. Dal'niy kray [Far Edge], in Zaytsev, B.K. *Sobranie sochineniy v 5 t., t. 1. Tikhie zori: Rasskazy. Povesti. Roman* [Collected Works in 5 vols., vol. 1. Quiet Dawns: Short stories, novels]. Moscow: Russkaya kniga, 1999, pp. 369–580.

15. Zaytsev, B.K. Optina pustyn' [Optina Pustyn], in Zaytsev, B.K. *Sobranie sochineniy v 5 t., t. 7. Svyataya Rus': Izbrannaya dukhovnaya proza. Knigi stranstviy. Povesti i rasskazy. Dnevnik pisatelya*

[Collected Works in 5 vols., vol. 7. Holy Rus: Selected Spiritual Prose. Books of Travels. Novels and Short Stories. Writer's Diary]. Moscow: Russkaya kniga, 2000, pp. 328–332.

16. Zaytsev, B.K. Solov'ev nashey yunosti [Soloviev of our Youth], in Zaytsev, B.K. *Sobranie sochineniy v 5 t., t. 9. Dni. Memuarnye ocherki. Stat'i. Zametki. Retsenzii* [Collected Works in 5 vols., vol. 9. Days. Memoirs. Articles. Notes. Reviews]. Moscow: Russkaya kniga, 2000, pp. 317–320.

Individual works

17. Avdeychik, L.L. Obraz Vladimira Solov'eva v russkoy literature XX–XXI vekov [The image of Vladimir Solovyov in Russian literature of the 20th–21st centuries], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2019, issue 2(62), pp. 39–51.

18. Florenskiy, P. Na smert' V. Solov'eva [On the death of V. Solovyov], in *Pavel Florenskiy i simvolisty: Opyty literaturnye. Stat'i. Perepiska* [Pavel Florenskiy and Symbolism: Literary Experiments. Articles. Correspondence]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, p. 126.

19. Gippius, Z.N. Poliksena Solov'eva [Poliksena Solovyova], in *Vozrozhdenie* [Revival]. Paris, 1959 May, no. 89, pp. 118–124.

20. Ivanov, V. O znachenii Vl. Solov'eva v sud'bakh nashego religioznogo soznaniya [On the Significance of Vladimir Solovyov in the Fate of Our Religious Consciousness], in *Kniga o Vladimire Solov'eve* [A Book about Vladimir Solovyov]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1991, pp. 344–354.

21. Odoevtseva, I.V. *Na beregakh Nevy* [On the Banks of the Neva]. Washington: V. Kamkin, 1967. 490 p.

22. Odoevtseva, I.V. *Na beregakh Seny* [On the Banks of the Sena]. Paris: La Presse libre, 1983. 528 p.

23. Remizov, A.M. Filosofskaya natura. Vladimir Solov'ev – zhenikh [Philosophical Nature: Vladimir Solovyov as a Groom], in *Sovremennye zapiski* [Modern notes]. Parizh, 1938, no. 66, pp. 193–204.

24. Saltykov, A.A. Belye kolokol'chiki: Vospominaniya o Vladimire Solov'eve [White Bells: Memories of Vladimir Solovyov], in *VI.S. Solov'ev: pro et contra. T. 1* [VI.S. Solovyov: Pro et Contra. Vol. 1]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 499–503.

(Monographs)

25. Knigge, A. *Die Lirik Vl. Solov'evs und Ihre Nachwirkung bei A. Belyj und A. Blok* [The Poetry of Vl. Solovyov and its Influence on A. Bely and A. Blok]. Amsterdam, 1973. 214 p.

26. Knyazhnin, V.N. *Aleksandr Aleksandrovich Blok* [Aleksandr Aleksandrovich Blok]. Petersburg: Kolos, 1922. 136 p.

27. Polonskiy, V.V. *Mezhdru traditsiy i modernizmom. Russkaya literatura rubezha XIX–XX vekov: istoriya, poetika, kontekst* [Between Tradition and Modernism. Russian Literature at the Turn of the 19th and 20th Centuries: History, Poetics, and Context]. Moscow: IMLI RAN, 2011. 472 p.

28. Pyman, A. *A History of Russian Symbolism*. Cambridge University Press, 1994. 500 p.

29. Sheremetev, P. *Otvuki rasskazov I.F. Gorbunova* [Echoes of Stories by I.F. Gorbunov]. Sankt-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1901. 146 p.

30. Solov'ev, S.M. *Vladimir Solov'ev: zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya* [Vladimir Solovyov: Life and Creative Evolution]. Moscow: Respublika, 1997. 431 p.

31. Zobin, G.S. *Vyacheslav Ivanov: Put' zhizni* [Vyacheslav Ivanov: The Path of Life]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2022. 415 p.

(Electronic Resources)

32. Avdeychik, L.L. Sakralizatsiya obraza Vladimira Solov'eva v tvorchestve poetov-mladosisimvolistov [Sacralization of the Image of Vladimir Solovyov in the Works of the Young Symbolist Poets], in *Dialog epokh v literature* [Dialogue of Epoch in Literature]. Minsk: BGU, 2021, pp. 5–20. Available at: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273478> (Data obrashcheniya: 23.03.2026).